

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нападение на Пэкера

Август 2011 года

1

В один прекрасный день на новостных сайтах практически одновременно появляется заголовок: “НАПАДЕНИЕ НА ГУБЕРНАТОРА ПЭКЕРА!”

Спустя несколько мгновений подключается телевидение: вещание прерывает анонс экстренного выпуска новостей. Сосредоточенно глядя в камеру, ведущий говорит: “Наши корреспонденты в Чикаго передают, что на губернатора Шелдона Пэкера было совершено нападение”. Некоторое время больше ничего не известно: лишь то, что на него напали. Несколько минут все в ошеломлении задают себе два вопроса: жив ли Пэкер? И есть ли видеозапись нападения?

Наконец приходят первые известия с места событий от репортеров, которых выводят в эфир с мобильных телефонов. Корреспонденты сообщают, что Пэкер давал в чикагском “Хилтоне” ужин, на котором произнес речь. После приема он вместе со свитой возвращался через Грант-парк, пожимая руки встречным, целуя детей и проделывая прочие популистские штучки, которые в ходу у политиков во время предвыборной кампании. Вдруг из толпы на него напали — непонятно, человек или группа лиц.

— Как именно напали? — уточняет ведущий. Он сидит в залитой красно-бело-синим светом студии с блестящими черными полами. Лицо у него гладкое, как глазурь на торте. За столами позади ведущего работают его коллеги. — Вы можете описать момент нападения? — допытывается ведущий.

— В него чем-то кинули, — отвечает репортер, — больше мне пока ничего не известно.

— Чем кинули?

— Пока непонятно.

— И попали? Губернатор ранен?

— Да, кажется, попали.

— Вы видели нападавших? Сколько их было? Тех, кто бросал?

— Там поднялась паника, люди закричали.

— Предметы, которыми бросили в губернатора, были большие или маленькие?

— Думаю, сравнительно небольшие, раз поместились в руке.

— Крупнее бейсбольного мяча?

— Нет, помельче.

— Значит, размером с мяч для гольфа?

— Да, примерно так.

— Острые? Тяжелые?

— Все произошло слишком быстро.

— Нападение было спланированным? Быть может, это преступный сговор?

— Сейчас все задают себе те же вопросы.

На экране появляется заголовок: “Теракт в Чикаго”. Вжик — и он оказывается возле уха ведущего и трепещет, как флаг на ветру. На огромном телевизоре с сенсорным экраном показывают карту Грант-парка — расхожий прием, который регулярно используют в современных выпусках новостей: диктор в телевизоре рассказывает о чем-то с помощью другого телевизора, то увеличивая, то уменьшая руками на

сенсорном экране объекты в высоком разрешении. Выглядит все это очень круто.

Дожидаюсь, пока поступят новые сообщения, ведущий и репортер обсуждают, увеличит ли это происшествие шансы губернатора на пост президента или же, наоборот, повредит его репутации. Сходятся на том, что увеличит, поскольку сейчас имя губернатора неизвестно практически никому, кроме его немногочисленных сторонников, ярых консерваторов-протестантов, одобрявших деятельность Пэкера на посту губернатора Вайоминга, где он строго-настрого запретил аборт и обязал не только учеников, но и учителей каждое утро перед Клятвой верности читать в школах Десять заповедей, сделал английский официальным и единственным законным языком штата, а всем, кто плохо говорит по-английски, запретил владеть недвижимостью в Вайоминге. Во всех заповедниках штата разрешил применять огнестрельное оружие. А еще вынес постановление, согласно которому законы штата отменяли федеральное законодательство во всех вопросах, — шаг, который, если верить специалистам по конституционному праву, означал бы санкционированный выход Вайоминга из состава Соединенных Штатов. Пэкер носил ковбойские сапоги. Проводил пресс-конференции у себя на ранчо. Ходил с настоящим оружием: в кожаной кобуре у него на бедре висел револьвер.

В конце своего первого и единственного срока Пэкер заявил, что на второй переизбираться не будет, поскольку хочет сосредоточиться на вопросах первостепенной государственной важности. СМИ, разумеется, истолковали его слова в том смысле, что он собирается баллотироваться в президенты. Пэкер оттачивал прочувствованную риторику проповедника тире ковбоя и делал ставку на антиэлитистский популизм, находивший отклик у простых работяг, белых консерваторов, недовольных нынешней рецессией. Иммигрантов, отнимающих у американцев рабочие места,

губернатор сравнивал с волками, которые режут домашний скот, причем слово “волки” произносил с ударением на последнем слоге. “Капитолий” в его устах превращался в “Капутолий”. Вместо “устал” Пэкер говорил “упахался”. А еще “ихний” и “ложить”.

Сторонники Пэкера уверяли, что именно так и говорят простые жители Вайоминга, не какая-нибудь там элита.

Критики губернатора не упускали случая отметить, что, поскольку суды отклонили почти все предложения Пэкера, польза от его законодательной деятельности фактически равна нулю. Но все это не имело никакого значения для тех, кто исправно платил по пятьсот долларов за участие в званных ужинах, сбор от которых шел на оплату предвыборной кампании (Пэкер, кстати, называл их “обжираловкой”), по десять тысяч долларов за лекцию и по тридцать долларов за его книгу “Сердце истинного американца”: так он формировал “военный бюджет”, как называли это репортеры, “для будущих президентских выборов”.

И вот на губернатора напали, хотя никто не знает, как напали, с чем напали, кто напал и пострадал ли он в результате нападения. Телеведущие рассуждают о том, что будет, если попасть в глаз подшипником или стеклянным шариком. Они говорят об этом добрых десять минут, сопровождая беседу схемами, на которых мелкий объект на скорости почти в сто километров в час проникает в жидкую мембрану глаза. Когда тема исчерпана, прерываются на рекламу. Анонсируют документальный фильм, снятый к десятилетию теракта 11 сентября: “День террора, десятилетие войны”. Ведущие ждут.

Наконец происходит то, что выводит передачу из оцепенения, в которое она погрузилась: в кадре снова появляется ведущий и объявляет, что некий очевидец снял произошедшее на видео и выложил ролик в интернет.

На экране появляется ролик, который в последующие недели покажут по телевизору несколько тысяч раз, а еще он

наберет миллионы просмотров в интернете и станет третьим по популярности видео месяца — после нового музыкального клипа восходящей поп-звезды, юной Молли Миллер, на песню “Нужно из себя что-то представлять”, и семейного видео, на котором малыш, едва научившийся ходить, падает от смеха. И вот что происходит.

Сперва мы видим белый экран и слышим свист ветра в микрофоне, потом раздается шуршание: чьи-то пальцы накрывают микрофон, и свист ветра стихает до еле слышного шума, как будто к уху приложили морскую ракушку. Камера регулирует экспозицию, и белизна становится голубым небом, видно размытое зеленое пятно (видимо, трава), раздается мужской голос — слишком громкий из-за близости к микрофону: “Пишется? Что-то непонятно”.

Изображение обретает резкость: мужчина направляет камеру себе под ноги и говорит раздраженно: “Оно записывается или нет? Как понять?” Ему отвечает спокойный мелодичный женский голос: “Посмотри там сзади. Что там написано?” Ее муж, парень или кто он ей, не способный удержать камеру ровно, чтобы изображение не прыгало, бросает: “Лучше бы взяла да помогла” так резко и сердито, что сразу ясно — это она виновата в том, что у него ничего не получается. На экране все это время крупным планом видны его ботинки: изображение так мельтешит, что кружится голова. Мужчина обут в дутые высокие кроссовки. Белехонькие, супермодные. Он стоит на столе для пикника.

— Что там написано сзади? — уточняет женщина.

— Где сзади?

— На экране.

— Я понял, — отвечает он. — Где на экране?

— В правом нижнем углу, — невозмутимо поясняет женщина. — Что там написано?

— Там буква R.

— Значит, записывается. Запись идет.

— Идиотизм какой-то, — бесится мужчина. — Почему бы просто не написать “вкл”?

На экране мелькают то его ноги, то группа людей неподалеку.

— Вон он! Смотри! Это он! Вон он! — кричит мужчина, направляет камеру перед собой и, когда ему наконец удастся сделать так, чтобы она не прыгала, в кадре появляется Шелдон Пэкер, примерно в тридцати метрах от мужчины, в окружении охраны и сотрудников своего предвыборного штаба. Рядом небольшая толпа. Те, кто ближе всего к губернатору, наконец догадываются, что что-то происходит, рядом какая-то знаменитость. Мужчина, снимающий на камеру, кричит:

— Губернатор! Губернатор! Губернатор! Губернатор! Губернатор! Губернатор! Губернатор!

Изображение снова скачет — видимо, этот парень прыгает, машет руками или и то, и другое сразу.

— Как сделать ближе? — спрашивает он.

— Нажми на зум, — отвечает женщина.

Изображение увеличивается, из-за чего снова возникают проблемы с резкостью и экспозицией. Вообще же эту запись показали по телевизору лишь потому, что в конце концов мужчина со словами: “На, давай сама” отдает камеру спутнице и убегает пожать руку губернатору.

Впоследствии всю эту болтовню вырежут, так что ролик, который сотни раз покажут по телевизору, начнется здесь, с паузы: редакторы новостей обвели красным кружком женщину, сидящую на скамейке с правой стороны экрана. “По всей видимости, это и есть нападавшая”, — поясняет ведущий. Седая, лет шестидесяти на вид, женщина читает книгу: зрелище ничем не примечательное. Незнакомка просто заполняет кадр, как актриса массовки в кино. На ней голубая рубашка поверх черной майки и черные эластичные леггинсы. Острые прядки взъерошенных коротких волос падают ей

на лоб. Сложена как спортсменка — худая, но мускулистая. Женщина замечает, что происходит вокруг. Видит приближающегося губернатора, закрывает книгу, встает и смотрит. Она с самого края кадра и явно пытается решить, что делать дальше. Подбоченилась. Прикусила губу. Похоже, взвешивает все варианты. Вся ее поза — словно немой вопрос: “А надо ли?”

Наконец она срывается с места и стремительно направляется к губернатору. Книгу женщина оставила на скамье. Незнакомка идет большими шагами, как покупатель из пригородов, которые наматывают круги по торговым центрам. Вот только она стиснула кулаки и прижала руки к бокам. Женщина приближается к губернатору на расстояние броска, и тут толпа вдруг расступается, так что с того места, где стоит оператор, заметно, что губернатор оказывается в пределах прямой видимости знакомки. Она стоит на посыпанной щебнем дорожке. Женщина опускает глаза, наклоняется и подбирает горсть щебня. Вооружившись таким образом, она издает вопль — он слышен очень четко, поскольку в этот самый момент ветер стихает, толпа умолкает, как будто все знают, что сейчас произойдет, и изо всех сил стараются ничего не упустить, — женщина кричит: “Ах ты свинья!” — и бросает камни в губернатора.

Сначала в толпе неразбериха: одни оборачиваются, пытаются рассмотреть, кто кричал, другие вздрагивают и отшатываются, потому что в них попали камешки. Женщина подбирает новую горсть щебня и бросает в губернатора, подбирает и бросает, подбирает и бросает, как ребенок, играющий в снежки. Невольные зрители пригибаются, матери закрывают детям лица, а губернатор складывается пополам, схватившись за правый глаз. Женщина продолжает швыряться щебнем, пока охранник губернатора не сбивает ее с ног. Или скорее не сбивает, а обхватывает руками и вместе с ней валится на землю, точно усталый борец.

Вот и все. Запись длится меньше минуты. Вскоре после передачи становятся известны кое-какие факты. Называют имя женщины: Фэй Андресен-Андерсон, причем в новостях ее фамилию ошибочно произносят как “Андерсон-Андерсон”, видимо, проводя параллель с другими печально известными двойными фамилиями, а именно Серхан Серхан¹. Быстро выясняется, что она работает помощницей учителя в местной начальной школе, и этот факт становится оружием отдельных аналитиков, которые утверждают: мол, это доказывает, что в системе государственного образования нынче правит бал радикальный либерализм. Заголовок меняется на “УЧИТЕЛЬНИЦА НАПАЛА НА ГУБЕРНАТОРА ПЭКЕРА!” и остается таким около часа, пока не удастся отыскать фотографию, на которой вроде бы запечатлена эта женщина на демонстрации протеста в 1968 году. На снимке она сидит на поле с тысячами других протестующих — огромная размытая толпа народа, многие с самодельными флагами или плакатами, кто-то размахивает над головой американским флагом. Женщина сонно смотрит на фотографа сквозь большие круглые очки. Она клонится вправо, как будто прислоняясь к тому, кто почти не попал в кадр: видно только плечо. Слева от нее сидит длинноволосая женщина в военной куртке и угрожающе смотрит в кадр поверх серебристых очков-авиаторов.

Заголовок меняется на “РАДИКАЛКА 1960-х НАПАЛА НА ГУБЕРНАТОРА ПЭКЕРА!”.

И, словно история еще недостаточно пикантна, к концу рабочего дня происходят две вещи, из-за которых интерес к случившемуся взлетает до небес: теперь во всех офисах страны ни о чем другом не говорят. Во-первых, сообщают, что губернатору Пэкеру делают срочную операцию на глазном яблоке. А во-вторых, всплывает снимок из полицейско-

1 Серхан Бишара Серхан (род. 1944) — убийца Роберта Кеннеди.

го досье, на котором ясно указано, что в 1968 году женщину арестовали — хотя обвинения не предъявили и виновной так и не признали — за проституцию.

Это уже чересчур. Как уместить все эти невероятные подробности в одном заголовке? **“УЧИТЕЛЬНИЦА, БЫВШАЯ РАДИКАЛЬНАЯ ХИППИ И ПРОСТИТУТКА, НАПАЛА НА ГУБЕРНАТОРА ПЭКЕРА И ОСЛЕПИЛА ЕГО!”**

В новостях снова и снова крутят фрагмент ролика, в котором щебень попадает в глаз губернатору. Изображение увеличивают так, что лезут пиксели и зерно: журналисты, не жалея сил, стараются показать зрителям тот самый миг, когда острый кусок щебня влетает Пэкеру в роговицу правого глаза. Аналитики рассуждают о цели этого нападения и о том, представляет ли оно угрозу для демократии. Одни называют женщину террористкой, другие говорят: это лишь демонстрирует, как низко опустился уровень политических дебатов, третьи замечают, мол, губернатор сам напросился, нечего было так рьяно защищать право граждан носить огнестрельное оружие. Проводят аналогии с “Синоптиками” и “Черными пантерами”¹. Национальная стрелковая ассоциация выступает с заявлением, что, будь губернатор Пэкер вооружен, нападения бы не случилось. Тем временем журналисты за столами позади телеведущего работают, как и прежде, не быстрее и не медленнее.

Не проходит и сорока пяти минут, как какой-то ушлый копирайтер придумывает фразу “Щебень для Шелдона”, которую охотно подхватывают все телеканалы и вставляют в заставки к репортажам о нападении.

Женщину между тем до суда держат в тюрьме в центре города, так что прокомментировать инцидент она не может: изложение событий складывается без нее. Мнения и пред-

1 «Синоптики» (*Weather Underground*) и «Черные пантеры» (*Black Panthers*) — американские леворадикальные организации.

положения вкупе с немногочисленными фактами образуют предысторию, которая закрепляется в памяти публики: женщина — бывшая хиппи, ныне радикальная либералка, которая так сильно ненавидит губернатора, что подкараулила его в парке и напала на него.

Вот только во всей этой теории зияет огромная логическая дыра: прогулка губернатора по парку была чистой импровизацией, о которой заранее не знала даже его охрана. Следовательно, и женщина не могла знать, что он сейчас пройдет мимо, и ждать в засаде. Однако эта неувязка теряется среди новых сенсаций, поэтому никто и никогда толком не пытается в этом разобраться.